

Николай Андреев

18+

Апокалипсис местного значения

Книга 2

Николай Андреев

**Апокалипсис местного
значения. Книга 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Андреев Н. В.

Апокалипсис местного значения. Книга 2 / Н. В. Андреев —
«ЛитРес: Самиздат», 2002

Вторая книга из серии приключений поэта Василия Романова. Романов пытается разобраться в том, что за люди стоят за убийством таких же, как он, безработных, а в результате становится заложником этих людей.

Содержание

25 октября	5
Между 25 и 28 октября	18
28 октября	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Андреев

Апокалипсис местного значения. Книга 2

25 октября

– Водку можно пить из граненого стакана, из алюминиевой кружки, на худой конец просто из горлышка. Это если задаться целью поскорей опустошить бутылку. Но если хочется получить истинное наслаждение, лучше пить из рюмки, желательнее маленькой... Возьми ее за ножку двумя пальцами – большим и указательным, подними до уровня глаз, посмотри на свет, почувствуй сладкую боль от предвкушения и...

– Жахни её!

– И вот тут, Саня, самое главное, надо выдержать паузу, потерпеть. Переведи дыхание, мысленно приготовься к следующему шагу, а потом, положив край рюмки на нижнюю губу, медленно, одновременно с движением руки откинь голову назад и небольшими глотками, омывая рот, выпей ее, проклятую, до последней капельки! Да! И ни в коем случае сразу не закусывай, и уж тем более не запивай!.. Замри на секунду, втяни носом воздух, почувствуй вкус напитка, оцени его достоинства и только после этого позволь побаловать себя кружочком солёного огурчика.

– А грибочком можно?

Василий Романов подумал и согласно кивнул.

– Можно. А вот лимоном не рекомендую. Вкус перебивает.

– А многим, я знаю, нравится.

Романов пренебрежительно махнул рукой.

– Дрянь. Лимон хорош с текилой. Водку же издревле закусывали соленьями... А впрочем, если водка палёная, то лимон, пожалуй, и вправду, не повредит.

– Так я о том же!

Александр Рябушкин – собеседник Василия Романова, сорокалетний мужчина, одетый в темный костюм с потертými рукавами и давно не глаженными брюками, отодвинул в сторону пустой бокал и потребовал себе маленькую рюмку.

Аккуратно сложив нарезанную колбасу на блюде, Романов окинул придирчивым взглядом стол с закуской. Оставшись довольным увиденным, не спеша, направился к буфету.

– Пить надо культурно! – сказал он, доставая с верхней полки две маленькие рюмки. – Так, чтобы утром, вспоминая прожитый день, ты с чувством собственного достоинства мог сказать себе: «Вася!.. То есть, Саня! Вчера ты надрался как скотина, но свиньей не был!»

– Правильно!

– Значит, так... Учись! – Вернувшись к столу, Романов разлил водку по рюмкам. – Берешь ее двумя пальцами за ножку... Поднимаешь до уровня глаз... смотришь на свет... Посмотрел?

Рябушкин согласно кивнул.

– Можно приступать?

– погоди. Скажи, ты почувствовал сладкую боль от предвкушения события, к которому весь день стремился?

Рябушкин отрицательно покачал головой.

– Значит, рано. Не торопись. Выдержи паузу, переведи дыхание и мысленно приготовься к следующему шагу... Итак, приготовился?

– Да.

– Хорошо. Теперь положи край рюмки на нижнюю губу, – направляя движение руки, Романов дотронулся кончиками пальцев до локтя Рябушкина, – и медленно, откидывая голову назад, маленькими глотками начинай пить... До дна, до дна, до дна!

Рябушкин выпил. Передернул плечами и, поставив рюмку на стол, потянулся к тарелке с хлебом.

– Ни в коем случае! – Перехватив руку, Романов сжал ее в своей ладони. – Сначала замри, затем втяни носом воздух и только после этого закусывай.

Рябушкин шумно вздохнул, еще громче выдохнул и, с трудом сдерживая нетерпение, взял протянутый ему ломтик соленого огурца.

– Ну как? – заглядывая ему в глаза, спросил Романов.

Рябушкин замотал головой.

– Супер!

Закусив огурцом, он взял с тарелки ломоть вареной колбасы. Откусил кусочек и, еще раз втянув носом воздух, спросил:

– А что, у вас все пьют только рюмками?

– У кого это, «у вас»?

– У вас, у поэтов.

Привыкший к тому, что профессиональные поэты, к числу которых Романов по-прежнему причислял себя, в глазах обывателей выглядят людьми, живущими по своим собственным законам, отличным от законов окружающего их человечества, согласно кивнул.

– Рюмками. Правда, разными: с ножками и без... По крайней мере, так было раньше.

Посмотрев на свое отражение в стеклянной дверце буфета, Романов поморщился.

– А впрочем, не знаю, – торопливо добавил он, повернувшись к отражению спиной. – Я, знаешь ли, завязал со стихами. И потому просветить по поводу того, из какой посуды пьёт нынешнее поколение поэтов, вряд ли смогу... Хотя догадываюсь.

Перестав жевать, Рябушкин удивленно посмотрел на Романова.

– Как это завязал? Что, совсем?

Романов поднял свою рюмку и тут же аккуратно поставил обратно.

– Не совсем. Нахожусь, так сказать, в предпоследней стадии стагнации.

– Это как?

– Это когда стихи еще пишутся, но уже ни фига не печатаются.

– А последняя стадия – это когда ни то, ни другое?

– Видимо, да.

Рябушкин огорченно всплеснул руками. Он настолько приучил себя к тому, что Романов умнее, образованнее, талантливее его, что каждое произнесенное им слово, каким бы банальным оно не было, каждая даже не к месту сказанная фраза, казались ему наполненными особым содержанием и смыслом. И вот теперь, узнав о том, что Романов бросает писать стихи, он вдруг почувствовал себя обманутым.

«Если он не поэт, – спросил себя, – то кто?»

Рябушкин внимательно посмотрел на него и увидел тихо спивающего еще не старого человека, за красивыми жемами пытающего скрыть тягу к вину. И если раньше глубокие морщины, редкие волосы вокруг небольшой залысины чуть выше лба, казались ему признаком напряженного умственного труда, то теперь эти приметы говорили единственно о нездоровом образе жизни.

– Жаль, – опустив глаза, тихо сказал Рябушкин. – Очень жаль.

– А ну её! – Романов безмятежно махнул рукой. – В поэзию, если есть талант, надо входить по-цыгански: весело и шумно, а уходить, если он закончился, по-английски: тихо и достойно.

Задумчиво пожав плечами, Рябушкин взял пустую рюмку. Несколько секунд покрутил в руке и поставил на стол. Спросил: чем он теперь занимается.

– Ничем. Ищу работу.

– И всё?

– И всё! А чем тебе, собственно, не нравится моё занятие? Оно, чтоб ты знал, замечательно само по себе уже тем, что дает человеку то, без чего он не может жить – мечту!

– Какую еще мечту?

– Несбыточную! Найти работу там, где тебя будут любить, уважать, платить тысячи и при этом не заставлять ничего делать. Правда, – засмеялся Романов, – для того, чтобы найти такую работу надо хорошо потрудиться.

– И как долго ты трудишься на ниве поиска работы?

Судя по удивленно поднятым бровям, вопрос Рябушкина застал Романова врасплох. Перебирая в памяти события прошедших дней, он принялся неторопливо, то и дело сбиваясь с мысли, вспоминать: когда и зачем в последний раз выходил из дома.

Получилось, что последний раз с ним это произошло два дня назад.

– Какое сегодня число?

– Двадцать пятое октября.

– Какое?! – ахнул Романов.

Произведя в уме нехитрые расчеты, Романов пришел к выводу, что не покидал квартиру четыре дня. И если два из них, пусть не детально, но можно было еще как-то воспроизвести, то два дня стерлись из памяти напрочь.

– А ты, часом, ничего не путаешь? Точно двадцать пятое?

– Точно.

Романов недобро посмотрел на рюмку в руке. Тяжело вздохнул и, с выражением смирения и покорности, выпил.

– Так сколько дней, ты говоришь, ищешь работу? Неделю, месяц, два?

– Четыре дня, – ответил Романов. – Двадцать первого я ходил устраиваться в эту, как ее... – он на секунду задумался, – в экспедиторскую фирму «Трансавтосервис».

Рябушкин удивился.

– Куда, куда? В экспедиторскую фирму? Чего это тебя вдруг туда понесло?

– Да так. Не всем же, как ты, работать директором школы, правильно? Кому-то надо и парты поставлять.

Романов рассмеялся. Подробно описывая детали, в которых, как сам считал, заключалась суть дела, он рассказал о том, как несколько дней назад, прочитав объявление в газете о приглашении на высокооплачиваемую работу в фирму «Трансавтосервис» водителей, бухгалтера, уборщицу и грамотного секретаря-референта, владеющего пишущей машинкой, ходил на собеседование.

– Представляешь, Санек, слово «грамотного» было напечатано жирным шрифтом.

– И ты решил, что это место как раз для тебя.

– Ну да! У меня ж по русскому языку всегда были пятерки, а на машинке я еще с журналистской поры печатаю как автомат... Правда, потом оказалось, что под референтом подразумевалась девица от метра семидесяти ростом до двадцати пяти лет возрастом, под грамотностью – знание делопроизводства, а под высокооплачиваемой работой – супчик и конфетка по праздникам. Но я не в обиде. Там я познакомился с такой женщиной! – Романов сложил пальцы шепотью и, поднеся к губам, чмокнул. – Мечта поэта! Очаровательная, как школьница на выпускном балу, хрупкая, как фарфоровая статуэтка, строгая, как фрекен Бок. А в глазах! – он восторженно покачал головой.

– Что в глазах?

– А в глазах – по голубому алмазу.

– А почему не сапфиру, – усмехнулся Рябушкин. – Или изумруду. Или, как ты говоришь, на худой конец, рубину?

– Что значит, почему?

Романов, еще мгновение назад с воодушевлением описывающий свою новую знакомую, осекся. Ему показалось, что Рябушкин своим вопросом переступил некую грань, не позволяющую им, несмотря на долгое знакомство, сблизиться настолько, когда бы любые сказанные в насмешку слова перестали быть обидными в устах того, кто произносил их.

– При чем здесь рубин с сапфиром? – спросил он. – Сапфир синий, изумруд зеленый, рубин красный, а ее глаза, как я уже сказал, голубые!

Глядя на Романова, злящегося из-за того, что никто уже не охает от сказанных им слов, Рябушкин рассмеялся. Описание женщины показалось ему откровенно глупым.

– Ты, Вася, не музу, ты монстру какую-то нарисовал. Я так сразу себе представил фарфоровую статуэтку фрекен Бок с голубыми камнями вместо глаз, и рядом Василия Романова с пропеллером на спине.

Несколько секунд Романов неотрывно смотрел на Рябушкина так, словно отказывался верить собственным глазам.

– Ну, ты и дурак! – удивленно покачал головой.

Затем вскочил со стула и подбежал к нему.

– Хорошо! – хлопнул ладонью по столу. – Я опишу ее так, чтобы даже такому, как ты, было понятно, о чем идет речь – без метафор! И говорить тоже постараюсь как можно медленнее... Итак, слушай меня внимательно. Четыре дня назад... Ты понял? Четыре! – Один за другим, Романов демонстративно загнул мизинец, безымянный, средний и указательный пальцы. – Я встретил женщину лет тридцати. В очках. Рост примерно метр шестьдесят, вес – около пятидесяти. Размер груди – максимум второй. Глаза голубые, ноги прямые, волосы темно-русые. Характер, судя по всему, твердый, как алмаз. Хотя мне она показалась ранимой, хрупкой... Я пока понятно описываю? – Не давая Рябушкину, привставшему со стула, возразить, он положил ему руки на плечи и крепко сжал. – Нет, нет, нет! Про алмаз ты, пожалуйста, забудь! Нечаянно вырвалось...

Пока Романов упражнялся в остроумии, Рябушкин сидел, опустив глаза, и думал: уйти ему прямо сейчас, не дожидаясь, когда хозяин в своем желании унижить его до прямых оскорблений, или же, сделав вид, что ничего особенного не произошло, продолжать, как ни в чем не бывало, пить водку. Уйти сразу представлялось наиболее разумным решением. Однако на улице, как назло, лил дождь, дома без уехавших отдохнуть на море жены и детей было грустно, а в холодильнике, вспомнил он, из напитков кисло одно молоко.

Подняв голову, Рябушкин окинул взглядом стол, на котором среди тарелок с закуской стояла едва початая бутылка водки, и принял решение остаться.

«Уйду, как только распогодится».

Романов закончил свою речь словами: «Проще говорить не обучен». Вернулся на свое место и, подвинув к себе рюмку, взялся за бутылку.

Выпив водки, Романов с Рябушкиным надолго замолчали.

Глядя на то, как Романов, обиженно сжимая губы, всем своим видом показывал, что не нуждается ни в чьем обществе, Рябушкин с ностальгией вспоминал, каким тот был раньше, во время их первой встречи, и жалел его. При чем не так, как жалеют бездомных или безнадежно больных: тяжело и горько, примеривая на себя их страдания, а с легкой долей раздражения, как людей, задумавших большое дело и собственными руками загубивших его.

«А ведь всё могло сложиться иначе, если бы не...»

Размышляя на тему: почему иным одаренным людям Бог не дал сил пройти предначертанный путь до конца, Рябушкин в ряду причин (война, бедность, дантесы, водка) на первое место, не раздумывая, поставил водку.

«Это она опять отнимает у меня очередного друга и сокращает огромный мир до размеров одной единственной холодной квартиры на краю города».

Бросив взгляд в сторону окна, за которым, не переставая, лил дождь, Рябушкин попросил Романова включить телевизор.

– Скучно.

Немного поразмыслив над тем, а не выгнать ли вшаей вконец обнаглевшего гостя, Романов решил, что это было бы, пожалуй, слишком сурово, тем более что гость пришел не с пустыми руками.

Спросил:

– Какую программу?

– Любую.

Романов включил первый попавшийся канал.

На экране телевизора появился стоявший на опушке облетающего леса высокий сухопарый старик в черной рясе.

Весь его вид: поросшее редкой бородкой скуластое лицо, острый нос, перекошенный гневной тирадой рот, излучал гнев и ярость.

Заинтересовавшись, Рябушкин поднялся из-за стола. Попросил Романова прибавить звук и пересел поближе к телевизору.

«...говорю вам, – тыкал указательным пальцем в небо старик, – не успеете наполнить вы житницы свои, не успеете испросить прощения у обиженных вами, как настигнет вас гнев Божий и свершится пророчество: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются».

«Простите, отец Павел! – перебил его ведущий, совсем еще молодой человек, одетый в строгий черный костюм и белую рубашку с галстуком. – Насколько я понимаю, вы говорите о конце света, так называемом апокалипсисе?»

Недовольный тем, что его перебили, отец Павел нахмурил брови.

«Истинно так! – произнес он громким голосом. – Недели не пройдет, как не останется здесь камня на камне; все будет порушено».

«И когда, вы говорите, это случится?»

«На Луков день ровно в полдень свершится сие! Помните об этом, и покайтесь, пока не поздно!»

«Луков день или, иначе говоря, день евангелиста Луки – это, если я не ошибаюсь, тридцать первое октября? – проявил осведомленность в православных праздниках ведущий. И тут же, не давая собеседнику подтвердить свои слова, торопливо произнес: – Хорошо! Поговорим о другом... Заявление о наступлении конца света, сделанное вами несколько недель назад, наделало немало шума в городе. В связи с этим всех интересует вопрос, как вы узнали об этой дате?... Вам есть, что сказать?»

Ведущий протянул микрофон к лицу отца Павла.

«Есть! – не задумываясь, ответил тот. – «Скажи нам, когда это будет?» – спросили Иисуса его ученики. Иисус же сказал им: «Многие придут под именем моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах... Восстанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. И, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь...» Не это ль, – затрясая направленной в небо рукой, прокричал отец Павел, – спрашиваю я вас, скорбные приметы грядущего конца света и начала царства Божия! Ответьте мне: не прельщают ли многих из вас и не прельщаются ли многие из вас? Не слышите ли вы слухи о войнах, и не восстал ли уже, как сказано, народ

на народ и царство на царство? Оглянитесь вокруг и ответьте, если это не глад, то, что это? Если это не мор, то, что тогда мор? И если беззаконие – наш закон, то о каком еще времени, как не о нынешнем, говорил ученикам Спаситель наш?..»

Романов поморщился. Он считал, что вера – занятие тихое, интимное, чуждое любому проявлению публичности, а угроза наказания за грехи способна обратить в нее только того, кто, ради сохранения большого, привык жертвовать малым, тогда как человек искренне принявший Бога, по его мнению, полностью отрекается от всего, что противоречит его законам.

«Неужели этот поп, – думал он, глядя на то, как отец Павел требовал от телезрителей всеобщего покаяния, – считает нормальным, когда преступник, покаявшись, в страхе перед грядущим наказанием, только за одно это получит прощения за прегрешения свои... Да и получит ли?»

Прошептав: «Грехи наши тяжкие», Романов украдкой перекрестился. Положил ногу на ногу и предложил Рябушкину переключить канал.

– Давай, – охотно согласился тот. – Ничего нового он, похоже, уже не скажет.

Романов с интересом посмотрел на Рябушкина.

– Ты его видел раньше?

– А как же! – Рябушкин встал. Наполнил рюмки водкой и, смеясь, принялся рассказывать о том, как несколько недель назад оказался свидетелем погрома, устроенного отцом Павлом – главой «Церкви Иоанна Богослова» – на рынке рядом с Воскресенским храмом.

– Народу возле себя собрал – жуть! И такого наплёл, что толпа чуть рынок не снесла. Все разодрались! Покупатели с продавцами, продавцы с отцом Павлом, отец Павел – с теми и с другими... «Не позволю, – орал, – превратить дом молитвы в вертеп разбойников! Придет, дескать, час и из-за вас, продающих и покупающих, всё здесь разрушится, да сгорит к едреней фене в пламене адском!» И давай лотки на землю опрокидывать!

– Герой, – усмехнулся Романов.

– Фанатик! Такой, если тридцать первого ничего не случится, с расстройства, пожалуй, сам конец света устроит. С него станется.

– Ладно, Бог с ним!

Романов переключил канал.

На экране крупным планом появилось лицо Никиты Малявина – ведущего телепередачи «Криминальный репортаж».

– О, Никитка-друг!

Повернувшись лицом к Рябушкину, Романов сказал, что проработал с Малявиным в молодежной газете несколько счастливых лет.

Никита Малявин сидел в темной мрачной студии за большим казенным столом, освещенным яркой настольной лампой, видимо, по замыслу режиссера, предназначенной для того, чтобы вызывать у зрителей ассоциацию с застенками ЧК тридцать седьмого года, и быстро говорил:

«... вчера сотрудниками управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков была задержана очередная партия героина, самая крупная за последнее время... В связи с этим, у многих вызывает удивление уже не то обстоятельство, что наш город, похоже, неуклонно превращается в перевалочную базу наркоторговцев, а то, с какой эффективностью правоохранительные органы борются с тем, чтобы не допустить этого. Так, по мнению первого заместителя начальника главного управления внутренних дел генерал-майора Серебрякова, цитирую: «Существуют все предпосылки для того, чтобы создать непреодолимый заслон на пути наркотиков из Афганистана и Таджикистана вглубь России».

Малявин отложил в сторону лист бумаги, по которому читал, и, подняв глаза, заметил:

«Мне, журналисту, трудно судить о том, насколько реально превратить наш город в преграду для транзита наркотиков, и окажется ли эта преграда на самом деле непреодолимой.

Однако то, что с назначением на пост первого заместителя начальника главного управления внутренних дел генерал-майора Егора Михайловича Серебрякова для наркоторговцев настали тяжелые времена, факт неоспоримый... Далее в нашей программе!»

Лицо Малявина исчезло, и на экране, под тревожную ритмичную музыку, появилась милицейская «десятка». Пока автомобиль, не снижая скорости на поворотах, мчался по ночным улицам города, как думалось Романову, к месту преступления, голос за кадром рассказывал о похищении финансового директора ООО «Русские недра» Дмитрия Сергеевича Нутрихина.

«Ответственный сотрудник фирмы «Русские недра» Олег Парейко заявил на встрече с журналистами, что...»

Автомобиль резко остановился, а на экране, после секундной задержки кадра, появился молодой, уверенный в себе мужчина в элегантном черном костюме.

«Собравшийся на экстренное совещание совет директоров, – строгим голосом произнес Парейко, – единогласно принял решение не поддаваться на шантаж преступников, и категорически отказался выплачивать требуемый ими выкуп».

Толпа журналистов, стоявших перед ним, зашевелилась. Решение совета директоров, судя по оживлению, было для многих неожиданным.

«Чем вызван подобный ответ?»

«Означает ли это, что Нутрихина нет в живых?» – посыпались вопросы.

«Какова сумма выкупа?»

«Располагает ли фирма «Русские недра» достаточными средствами для того, чтобы заплатить похитителям?»

Подняв руку вверх, Парейко попросил господ журналистов успокоиться.

«Дмитрий Сергеевич жив, и мы, поверьте, принимаем все необходимые меры для того, чтобы освободить его. Что же касается решения совета директоров, то оно вызвано отнюдь не денежными затруднениями фирмы, как многие из вас уже успели подумать, а единственно моральными и, если даже хотите, этическими соображениями».

«Какими?»

«Сколько у него детей?»

«Какими этическими соображениями? Подробнее, пожалуйста!»

Парейко взял услужливо протянутую кем-то фотографию.

«Вы же понимаете, господа! – сказал он, поворачиваясь лицом к журналистам. – Заплатив деньги похитителям, мы тем самым спровоцируем их на новые преступления. Мало того, мы из собственного кармана профинансируем их! Так нельзя... Покажите, пожалуйста, снимок Дмитрия Сергеевича!»

Не дожидаясь, когда покажут фотографию похищенного директора, Романов отвернулся от телевизора. Посмотрел на рюмку с водкой, которую всё то время, пока шла передача, держал в руке, и залпом выпил. Громко втянув ноздрями воздух, сказал, что у каждой сволочи свои принципы.

– У равнодушных – не вмешиваться ни в чьи дела, у жмотов – не портить людей деньгами...

– А у пьяниц, – не удержался Рябушкин, чтобы не уколоть Романова, – не отказываться выпить с хорошим человеком.

– Чего? – нахмурившись, Романов повернулся в его сторону.

Поняв, что сболтнул лишнего, Рябушкин опустил глаза.

– Да так, – пожав плечами, еле слышно произнес он: – Принцип есть такой.

«...вот только что мне принесли новое сообщение. Еще одно загадочное убийство. – Никита Малявин взял со стола листок и поднес к глазам. – Около трех часов назад в подъезде собственного дома двумя выстрелами в голову была застрелена Егорова Людмила Петровна».

На экране появилась фотография немолодой женщины в пуховом платке.

«Ей пятьдесят четыре года. Безработная, инвалид второй группы, мать троих детей...»

– Ни фиги себе! – тихо воскликнул Романов.

«Как полагают эксперты, выстрелы были нанесены из пистолета «Беретта».

Оторвав взгляд от экрана, Рябушкин внимательно посмотрел на Романова. Спросил: что с ним.

– Глядя на тебе можно подумать, что ты впервые увидел фотографию убитого человека.

– Нет, ну это же!.. – Романов ткнул ладонью на экран и, не в силах подобрать нужные слова, затряс ею.

– Хочешь сказать: старая, больная, никому не нужная?

– Нет...

– Не удивляйся. – Рябушкин взял в буки бутылку. – В наше время человеческая жизнь, что копейка: со своей расстаться жалко, а на чужую – наплевать... Водки налить?

Романов замотал головой.

– Это же Егорова! – выдохнул он. – Я же как раз после нее заходил.

– Куда?

– Ну, в это... как его? – Романов в нетерпении щелкнул пальцами. – На собеседование в экспедиторскую фирму, блин!

Рябушкин открыл бутылку. Сдвинул рюмки и принялся аккуратно наполнять их водкой.

– Понятно. Знакомая, значит. Только вот что я тебе скажу, Василий. Бросил бы ты, в самом деле, смотреть эти телевизионные страсти! Ни к чему тебе это. Лучше стихи пиши: о любви, о природе...

– Тише ты! – Не отрывая взгляда от экрана, Романов предостерегающе поднял указательный палец.

«... следствие, как и в предыдущих случаях, затрудняется определить мотивы преступления. – Никита Малявин отложил листок в сторону. – Я только напомню, – добавил он, – что это уже четвертое подобное убийство, совершаемое в нашем городе за последние два дня. Случайными жертвами профессионального киллера, напомню, стали: Филатов Сергей Владимирович. – На экране появилась фотография молодого мужчины. – Матренин Валерий Иванович и Генрих Эдуардович Миллер... Фотографиями последних мы, к сожалению, не располагаем... Ни одного из вышеназванных лиц нельзя отнести к так называемой группе риска. Никто из них, по нашим сведениям, не занимал высоких руководящих постов, не владел бизнесом и не состоял ни в одной криминальной группировке. Более того, насколько нам известно, все они на день смерти являлись безработными... В связи с этим, версия, выдвинутая некоторыми печатными изданиями, о появлении в нашем городе серийного маньяка-убийцы, уже не кажется столь неправдоподобной...»

– На, возьми! – Рябушкин протянул Романову рюмку водки.

Словно больной, разбуженный внезапным появлением доктора, принесшего очередную порцию микстуры, Романов вздрогнул.

– Что ты сказал? – спросил он.

– Рюмку возьми, говорю!

– А! – опомнился Романов. – Нет, не хочу.

– Водку пить не хочешь!

– Из рюмок пить больше не хочу!

В следующую секунду Романов вскочил со стула и быстрым шагом направился к буфету.

– Что случилось? – спросил Рябушкин.

Схватив с полки стакан, Романов подошел к столу. Ответил: ничего.

– Только все эти люди, – при слове «все», он ткнул горлышком бутылки в сторону телевизора, – четыре дня назад вместе со мной устраивались на работу.

– Да ты что! Неужто все?

Романов на секунду задумался.

– Ну, может, и не все. Но Егорова и Филатов – точно! И еще, кажется, этот старичок в очках – Миллер. Я как фамилию его тогда услышал, сразу Глена Миллера вспомнил. Композитор был такой. Тоже, кстати, покойник!

Романов налил себе полстакана водки. Выпил, сел на стул и, положив локти на скатерть, закрыл ладонями лицо.

Дождавшись, когда закончится передача, Рябушкин осторожно, чтобы ненароком не потревожить хозяина, взял лежащий рядом с ним пульт и выключил телевизор.

В комнате стало тихо.

– Ерунда какая-то! – Романов вскочил со стула и подошел к окну. – Стрелять в безработных из «Беретты». Ты только подумай. Какова честь!

Вспоминая недавнюю встречу с убитыми людьми и восстанавливая в памяти разговоры с ними, Романов внезапно подумал о том, что не видит в этих разговорах себя. Помнит, о чем говорил в приемной экспедиторской фирмы, слышит свой голос, видит реакцию на свои слова, а представить того, кто произносит их, не может. Несколько раз он мысленно пересчитал всех, кто находился в приемной комнате, ожидая вызова на собеседование, и каждый раз не досчитывался одного из них – Василия Романова.

«Вот Катя. – Зажмурив глаза, он представил себе молодую девушку, одетую в яркий не по погоде костюм. – Сидит на стуле, плотно сжав голые колени, и, явно смущаясь внимания, смотрит в пол. Кто-то, кого не видно, представляется ей. Катя мило улыбается и отвечает куда-то в пустоту. – Романов затряс головой. – Вот старичок Миллер. Маленький, шупленький, глядя на которого так и хочется сказать: «у него на носу не очки, а очёчки». Отвечая на приветствие, кивает, не поднимая головы, в никуда... Филатов. Берёт у вышедшего из дверей кабинета кадровика – не выпавшегося парня лет тридцати, пачку бланков анкет и протягивает одну из них сначала Егоровой, потом пожилому седовласому мужчине, за ним – Миллеру, Черноусову и, наконец, Кате. Лариса Георгиевна, не дожидаясь, когда до неё дойдет очередь, подходит к Филатову сама.

Романов прижался лбом к холодному окну.

– Ах, Лариса Георгиевна, Лариса Георгиевна! – прошептал он в стекло. – Статуэтка с голубыми глазами! Женщина – мечта поэта!

«А где же я? – не найдя себя в комнате, где раздавали анкеты, встрепенулся Романов. – Тот, кому Катя назвала свое имя? Кому Миллер кивнул при встрече? Тот, кто в графе «профессия» написал: «член союза писателей» печатными буквами во всю строку? Где я?»

И тут Романов понял, что не видит себя потому, что не хочет этого. Потому что, в отличие от милиции и Никиты Малявина, определенно знает, что убийца не случаен, а методичен, и что из восьми людей, пришедших устраиваться на работу в экспедиторскую фирму, четверо еще не убиты.

«Меня там не было, не было, не было...» – застучали капли по жестяному карнизу.

Закрыв форточку, Романов вернулся к столу.

«А где я был? И где, интересно, сейчас мой киллер? Может, стоит где-то рядом, спрятавшись от дождя в темном подъезде, и клянёт меня последними словами за то, что я четвертый день не выхожу из дома?»

– Хорошо, что ты ушел в загул, – словно услышав мысли Романова, тихо произнес Рябушкин. – Вовремя.

Романов отодвинул стул и сел на свое место. Сказал, что не понимает одного: за что.

– Пришли мирные люди устраиваться на мирную работу: кто секретарем, кто шофером, кто бухгалтером, кто уборщицей. И что, за это надо убивать?

Рябушкин задумчиво покачал головой.

– За это не убивают.

– А за что убивают?

– Я думаю, их убили за то, что они кому-то помешали.

– Кому? – засмеялся Романов. – Кому могли помешать безработные люди? Разве что еще более безработным, чем они сами! Так ведь ни более, ни менее того, чего нет, быть не может!

– Кто знает! – Рябушкин пожал плечами. – Может, они стали свидетелями какого-нибудь тайного преступления или...

Не дослушав до конца, Романов пренебрежительно махнул рукой.

– Мы все находились в одной комнате и ничего криминального, а тем более, тайного, за это время с нами не произошло. Уверю тебя!

– Ну, тогда не знаю. – Обидевшись на Романова за то, что тот, даже не удосужившись вникнуть в содержание и смысл, с ходу отвергает выдвинутые им версии, Рябушкин подвинул к себе поближе тарелку с колбасой. – Только вот, что я тебе скажу, Василий, – добавил он, – ничего другого здесь быть не может! Убивают, потому что мстят или боятся чего-то. И твоя задача заключается в том, чтобы вспомнить это самое чего-то.

– Да не было никакого чего-то! Не было! – опять вскочил на ноги Романов. – Я вообще в тот день практически ни с кем, кроме кадровика не встречался. За исключением, разумеется, тех, кто вместе со мной приходил устраиваться на работу! Понятно тебе?

Рябушкин хлопнул себя по бокам.

– Нет! – воскликнул он. – Не понятно! Я, конечно, не знаю, что там у вас стряслось, но уверяю тебя – никто просто так киллера с «Береттой» нанимать не станет... Вспомни, что происходило в тот день? О чем вы говорили? Что видели? Что слышали? Пойми! То, что один и тот же убийца за два дня убил четверых, говорит о том, что у этих четверых было что-то общее между собой. И мы знаем: что! Все они в один и тот же час находились в одном и том же месте! Ведь так?

Романов досадливо поморщился. Ему было неприятно слышать то, как Рябушкин с серьезным видом говорит банальные вещи, до которых сам он, несмотря на их банальность, додуматься не смог.

– Ни фиги не так! Существуют еще тысячи причин, о которых ты, Саня, даже не догадываешься.

– Каких?

– Разных!

– Ну, например?

– Например, кто-то задался целью убить семерых, для того, чтобы подозрение пало на восьмого. Или среди нас восьмерых затесался психопат, которому очень не понравилась компания, в которой он провел два часа... Продолжать?

– Ты сам-то веришь в то, о чем говоришь?

– Нет. Но это не важно! Я просто хочу показать тебе, что причины, по которым убивают, могут быть какими угодно. И если я вслух не говорю о том, что главная из них кроется в событиях, произошедших двадцать первого октября в экспедиторской фирме в период с десяти до двенадцати дня, то это только потому, что говорить здесь, в сущности, не о чем. И без твоих советов ясно, что к чему.

– Ну и ладно! – Совсем обидевшись, Рябушкин отвернулся.

Романов почесал висок и, ничего не говоря, снова сел за стол.

«Санёк прав, – подумал он. – Кому-то мы явно перешли дорогу. Вот только как узнать, кому именно и в каком месте?»

– Ладно, слушай! – Отодвинув от себя рюмку, он сцепил пальцы над столом. – Я буду рассказывать о том, что мы делали в приемной, а ты, если такой умный, внимательно слушай и ищи причину. Договорились?

Рябушкин нехотя пожал плечами.

– Значит, так. Когда я пришел в отдел кадров, или как там теперь, не знаю, называется эта служба, в приемной уже сидели Миллер, Черноусов, Егорова и парень, чью фотографию показали по телевизору.

– Сергей Филатов?

– Да. Только я тогда не знал, как его звать... Я поздоровался и спросил, кто последний. Мне ответили, что последних здесь нет и что надо дожидаться анкет, которые по правилам поступающие на работу заполняют перед собеседованием. Вот... Следом за мной зашел пожилой седоволосый мужчина. Спросил, где принимают на работу шофером. Сел возле двери и больше, кажется, не проронил ни слова... Следом за ним пришла Катя. Я подошел к ней, познакомился, а потом... А потом в приемную вошла Лариса Георгиевна. Ты бы видел ее в тот момент! – Романов привстал со стула. – Стройная, как топ-модель, хрупкая, как...

– Дальше что? – перебил Рябушкин.

– Это всё! – Романов сел на место. – Вернее, все... Почти одновременно с Ларисой Георгиевной из кабинета вышел кадровик, или как там, не знаю, у них называется эта должность, и вынес пустые бланки анкет.

Подняв голову, Романов вопросительно посмотрел на Рябушкина. Спросил: надо ли продолжать.

Не дождавшись ответа, согласно кивнул. Подвинул поближе пустую рюмку и, не отводя от нее пристального взгляда, принялся рассказать о том, что они делали, о чем говорили, как заполняли анкеты. Подробно остановился на небольшой ссоре из-за авторучки между Черноусовым и Миллером, вскользь упомянул о человеке, судя по растерянному виду, заглянувшему не в ту дверь, и дальше стал перечислять тех, кто, в какой последовательности, заходил на собеседование.

– А что за человек заглянул к вам? – спросил Рябушкин. – Что он сказал? Как вел себя? Как выглядел?

Романов задумчиво пожал плечами.

– Ничего не сказал. У него в руках, помню, была газета. Он вошел, оторвал от газеты глаза и когда увидел, что ошибся дверью, тут же вышел. А выглядел он обыкновенно: среднего роста, среднего телосложения, среднего возраста... Всё среднее.

– Понятно, – вздохнул Рябушкин. – А чем закончилась ссора между Черноусовым и Миллером?

– Ничем. Миллер забрал у Черноусова свою ручку и больше, насколько я помню, с ним не общался. Как, впрочем, и Черноусов с ним.

– Да... прямо скажем, не густо... Давай, дальше!

– Дальше я мило поговорил с Ларисой Георгиевной. Потом вызвали ее, потом Егорову, потом меня, потом я побеседовался и через три минуты отправился домой... Или в магазин, не помню уже.

– А как же твоя Лариса Георгиевна?

– Никак. Она ушла сразу, как только вышла.

– Понятно, – протянул Рябушкин. – А ну-ка, расскажи мне обо всем подробнее, – попросил он. – Только, пожалуйста, конкретнее, без всяких там метафор; как на докладе: сухо и ясно!

Согласно кивнув, Романов взял бутылку со стола. Прищурил глаз и, стараясь не пролить на скатерть, аккуратно наполнил рюмки.

Рассказ вышел долгим. Начав с описания внешности Ларисы Георгиевны, предполагаемых душевных качеств, характера, Романов выказал, между делом, свое отношение к спутникам поэтов, и незаметно, слово за слово, перевел разговор на тему падения нравов в современном мире.

Несмотря на то, что Романов говорил много, всё сказанное им можно было уместить в одну фразу: «Во всех неприятностях виноваты женщины». Решив развить эту тему, он подробно рассказывал историю любви Пушкина к Наталье Гончаровой, которую в качестве примера приводил каждый раз, когда хотел показать, до каких бед доводит поэтов любовь к ветреным красавицам.

К этому времени Рябушкин и думать забыл о поставленной перед ним задаче – искать в словах Романова убийцу. Широко раскрытыми глазами он неотрывно смотрел на рассказчика и, внимая каждому его слову, до последней секунды надеялся на то, что роковая для поэта дуэль не состоится, а Наталья, чей экипаж встретился Пушкину на дворцовой набережной, когда тот вместе с Данзасом направлялся на Черную речку, увидит своего мужа и остановит его.

– Однако эта встреча так и не состоялась, – вздохнул Романов. – Жена Пушкина, как известно, была близорука, а сам он в это время, видимо, смотрел совсем в другую сторону.

В ту же секунду в душе Рябушкина что-то оборвалось. Ему показалось, что как только Романов в своем рассказе развел супругов по разные стороны дороги, лишив тем самым Пушкина последней надежды на спасение, он потерял самого близкого и дорогого ему человека.

Рябушкин засунул руку в карман и, не сдержавшись, громко всхлипнул.

– Ты чего, Санек? – Романов подошел к нему. Обняв сзади за плечо, спросил: – Никак Пушкина пожалел?

Рябушкин опустил голову. Достал носовой платок и шумно вытер нос.

– Не Пушкина, – сказал он. – Себя.

– Что-то случилось?

– Нет. – Рябушкин долго и протяжно вздохнул. – Я просто, брат, никак не могу понять: почему всё так плохо. Постоянно чувствуешь себя должником: родителей, детей, жены, любовницы. Словом, всех, кого когда-то целовал!

– Не только у тебя, у всех так.

– Да. Но почему?

Задав вопрос, на который Романов за долгие годы так и не сумел найти ответа, Рябушкин уткнулся лбом в его плечо.

– Ну, ничего, ничего. – Романов взял стоявшую перед ним полную рюмку водки. Поднес ее к губам Александра и, словно капризного ребенка, отказывающегося есть кашку, силой заставил выпить. – Вот так! – вытер ему салфеткой губы. – Молодец.

– Ну почему, брат? Почему всё так плохо?

– Возьми огурчик.

Закусив, Рябушкин торопливо, глотая окончание слов, принялся рассказывать о своих неудачах. О том, что на работе его ругают больше, чем платят, что любовница, учительница химии, окончательно охладела к нему, а жена – неплохая, в принципе, женщина, в последнее время совсем замучила – не дает пить даже по выходным.

– А тут еще Пушкин погиб! – хлопнул ладонью по столу. – Ну, как, спрашивается, не напиться!

В этот момент на улице, под окнами, зажглись фонари, а на площади, расположенной в двух минутах ходьбы от дома, где жил Романов, куранты отстучали восемь часов.

Выпив и выговорившись, Рябушкин успокоился. Пересел поближе к Романову, и, как ни в чем не бывало, завел разговор сначала о превратностях женской любви, о крепкой мужской дружбе, потом обнял его за плечо и, стараясь сильно не фальшивить, затянул романс «Гори, гори, моя звезда...». В конце романса, на словах: «Умру ли я», вспомнил о киллере, по версии Романова, в эти самые минуты, возможно, прячущегося в подъезде дома, и предложил пойти набить ему морду.

Романов согласился:

– Пошли.

Громко перешептываясь, они выглянули в подъезд. Поднялись, на всякий случай, на верхний этаж и, шатаясь из стороны в сторону, медленно спустились вниз.

В подъезде никого не было.

Выйдя на улицу, Романов поежился.

– Свежо, однако.

– Да.

– И киллера нет... Сбежал, сволочь.

– Смотри-ка, дождик кончился.

– Свежо.

– Слушай, а пошли ко мне! – внезапно предложил Рябушкин.

– Зачем?

– Мне сосед бутылку коньяка должен. А чего? Посидим, поговорим. К тому же, знаешь, – Рябушкин бросил взгляд по сторонам, – у меня дома как-то спокойнее.

Романов тоже посмотрел по сторонам. Схватил зашатавшегося Рябушкина за рукав и ответил согласием. Спросил только: что будет, если они попадут в вырезатель.

– Предупреждаю, мне штраф платить нечем!

– А мы на тр-р... на тр-ридцать первом доберемся автобусе. Тр-р... тр-ри остановки и мы – фьють! – уже на месте!

– Ну что ж, поехали!

Поддерживая друг друга, они прошли до ближайшей остановки и почти сразу сели в тридцать первый маршрут.

Между 25 и 28 октября

То ли ночь была светла, то ли день пасмурен, но за окном уже много часов подряд было одинаково темно.

Рябушкин то открывал глаза, с дивана наблюдая за тем, как Романов с соседом играют в шашки и пьют водку, то, словно проваливаясь в глухую яму, засыпал и опять просыпался, стоило кому-то из них повысить голос.

– Санек! Ты гостей уважаешь?

В очередной раз, открыв глаза, Рябушкин увидел то, что Романов, развалившись на стуле, сидит за столом один.

– А Мишка где? – приподняв голову, спросил он.

– Какой Мишка?

– Сосед мой.

Романов удивленно посмотрел по сторонам.

– Был тут.

Не найдя в комнате пропавшего Мишку, он пожал плечами. Немного подумал и снова обратил свой взор на Рябушкина.

– Нет, ты мне ответь: ты гостей уважаешь, или как?

– Чего тебе?

Романов обиделся. Привстав со стула, он затряс головой, размахнулся и ударил себя кулаком в грудь.

– Санёк! Меня, может, убьют скоро! А ты... а ты такие вещи говоришь! Плакать хочется! Окончательно проснувшись, Рябушкин встал с дивана.

– Не убьют. Что-нибудь придумаем.

С готовностью кивнув, Романов сел на место. Однако не прошло и пяти секунд, как снова вскочил на ноги.

– Санёк! А четверых-то уже тю-тю, – он провел ребром ладони по горлу. – Думай, не думай, а уже ничего не придумаешь! Поздно!

– А мы всё-таки постараемся.

– Да? – Романов бросил на Рябушкина долгий взгляд. Сел на стул и уронил голову на грудь. – Это хорошо, – пробормотал он.

И снова.

– Санёк!

Прихватив со стола бутылку минеральной воды, Рябушкин подошел к компьютеру, стоявшему на отдельном столике в углу комнаты.

– Санёк, а чего мы придумаем, ты уже знаешь?

Рябушкин включил компьютер. Дожидаясь, когда тот загрузится, выпил воды из горлышка.

– Есть у меня одна мысль.

– Говори!

Рябушкин сел за столик. Спросил Романова: где находится экспедиторская фирма «Трансавтосервис», в которую тот ходил устраиваться.

– Возле чапаевского райисполкома?

– Кажется, да.

– А какой у них электронный адрес, знаешь?

Романов нахмурил лоб.

– Впрочем, не напрягайся, сам найду.

Рябушкин подвинул к себе поближе клавиатуру и быстро застучал по ней пальцами.

– А зачем тебе?

– Хочу залезть к ним в компьютер, посмотреть, что там, – не отрывая взгляда от экрана монитора, пояснил Рябушкин. – Может, что-нибудь интересное выужу.

Не зная, что делать дальше, Романов встал. Пошатываясь из стороны в сторону, сделал несколько неуверенных шагов по комнате. Наткнувшись на диван, упал на мягкие подушки и через пять секунд погрузился в тревожный сон.

Он – пятилетний мальчик – просыпается среди ночи в пустой комнате на даче приятелей отца. Придавив коленом скрипучие пружины кровати, медленно приподнимается над изголовьем и кличет маму. Никто не отзывается. Он встает и, вытянув руки вперед, отправляется на ее поиски. Почти не дыша, осторожно переставляя ноги, он то открывает глаза и вглядывается в ночь, то, испугавшись доносящихся откуда-то из-за спины шорохов, закрывает лицо ладошками и зовет на помощь. Ему кажется, что где-то там в углах, где тьма особенно зловеща, а тяжелый пропитанный пылью воздух дрожит от напряжения, затаились страшные существа, готовые броситься на него и разорвать на части. Ему хочется вернуться назад в постель. Но он упрямо движется вперед, потому что знает: если сейчас, сию минуту, он не удостоверится в том, что мама с папой помнят о нем, жалеют и по-прежнему любят его так, как любили раньше, эту ночь он не переживет.

28 октября

Романов проснулся от жажды. Стараясь лишний раз не вертеть больной головой, осторожно встал с дивана. Прошел на кухню, выпил воды прямо из-под крана и медленно вернулся обратно. Убедившись в том, что в квартире никого нет, сел за застеленный чистой скатертью стол и взял в руки записку, лежащую рядом с пустой цветочной вазой.

«Вася, я ушел на работу, – писал Рябушкин. – Сварил суп. Кушай, если можешь. Если захочешь пойти погулять – ключ в прихожей на гвоздике. Буду после обеда. Пока. Не забудь перевести часы на зимнее время».

И снизу приписка:

«P.S. Ничего интересного в компьютере твоей фирмы нет. Накладные, акты, карта города. Посмотри сам. Приду, будем думать дальше. Всё. Не напивайся, дождись меня».

Бросив записку на стол, Романов перевел часы назад и подошел к компьютеру, рядом с которым лежали распечатанные на принтере документы. Не найдя в них, как и предупреждал Рябушкин, ничего заслуживающего внимания, взял карту города и, от нечего делать, принялся разыскивать на ней свою улицу.

«Вот она, дорогая, – погладил ее пальцем. – А где, интересно, мой дом?»

Отыскав место, где предположительно должен находиться его дом, Романов обратил внимание на значки, разбросанные по карте.

Значками, выполненными в виде окружностей и острых углов, примыкающих к вершинам этих окружностей, были обозначены: здание на перекрестке улиц Чкалова и Интернациональной, казино «Золотая рулетка», заброшенный карьер и пригородный пионерский лагерь «Орленок». Рядом со значками были начертаны дробь, в знаменателях которых стояло: «ВЗД – 144», а в числителе – различные цифры от 4 до 8.

«Наверное, это объекты их деятельности», – подумал Романов.

Засунув карту в карман брюк, он вынул оттуда смятые рубли. Пересчитал – денег было на одну бутылку портвейна.

«Это хорошо. Надо будет к Санькиному приходу что-нибудь прикупить».

Повеселев от этой мысли, он выпил стакан воды и направился в прихожую.

Чего только Романов не делал для того, чтобы избавиться от похмелья. Мерз под холодным душем, принимал аспирин, стаканами пил огуречный рассол. Но всякий раз, когда после душа у него начинался насморк, после рассола – усиливалась жажда, а после аспирина – болел желудок, он, проклиная всех советчиков и тех дураков, кто следует советам дилетантов-теоретиков, шел на кухню и выпивал полстакана водки. Насморк тут же исчезал, жажда утолялась, а желудочные колики, как по мановению волшебной палочки, проходили вместе с похмельем в течение нескольких минут. Так, напиваясь вечером, он, бывало, с наслаждением представлял себе, как утром следующего дня встанет с постели, подойдет к холодильнику, откроет его, достанет покрытую ледяными каплями бутылку, от прикосновения к которой всё тело покроется мурашками, нальет в теплый стакан водку и медленно со вкусом выпьет ровно сто грамм. Потом закусит чем-нибудь соленьким и выпьет еще сто.

«Ради предвкушения этих минут стоит иногда напиваться, – направляясь в магазин, думал Романов. – И жить, между прочим, стоит тоже».

Внезапно его размышления были прерваны нежданной встречей. Перед самым входом в универсам, среди многолюдной толпы покупателей, он увидел женщину, одетую в золотистый длинный плащ и платок, завязанный узлом на шее подобно тому, как на картинах Петрова-Водкина завязаны платки у крестьянок.

Романов узнал эту женщину. И обомлел от нахлынувшего на него счастья.

Все дни, со времени знакомства с Ларисой Георгиевной, он непрерывно думал о ней. В своих мечтах встречался с ней в каком-нибудь достойном ее дорогом ресторане, говорил красивые слова, брал за руки, перебирал в своей ладони ее тонкие пальцы, прикасался к ним губами, но никогда – ни тогда, ни после – не смел даже надеяться на взаимность: настолько недоступной казалась она ему.

Сделав шаг навстречу, Романов развел руками.

– Лариса Георгиевна! – радостно и несколько фамильярно, воскликнул он: – Сколько зим!

В ту же секунду перед ним, как из-под земли, выросли двое крепких мужчин.

Лариса Георгиевна остановилась. Чуть сощуриив глаза, посмотрела на него, произнесла: «А, это вы», и, еле заметно кивнув провожатым, сказала, что все нормально – это ее знакомый.

Провожатые окинули Романова взглядом, каким злые псы осматривают любимого хозяйского кота, перед тем как уступить ему дорогу, и медленно отошли в сторону.

Покосившись на мужчин, каждый из которых был выше его как минимум на голову, Романов вопросительно посмотрел на Ларису Георгиевну.

– Не обращайтесь внимания, – Лариса Георгиевна небрежно махнула рукой в сторону провожатых. – Это мои друзья.

– Я понял.

Романов смущенно улыбнулся и после небольшой паузы принялся сбивчиво выражать свое сожаление по поводу того, что она так рано ушла из приемной отдела кадров экспедиторской фирмы.

Лариса Георгиевна терпеливо выслушала его, а когда ей это наскучило, оборвала.

– Простите... не помню, как вас звать. Мне тоже очень жаль, что так получилось, но, к сожалению, я очень спешу. Еще раз прошу меня извинить за то, что забыла ваше имя...

– Ничего страшного! Буду рад познакомиться снова... Василий Романов.

– Что вы говорите, – усмехнулась Лариса Георгиевна. – Совсем как поэта.

– Вы знаете такого поэта?

– Конечно.

Поправляя платок, она подняла голову и, тщательно выговаривая каждое слово, процитировала:

Мы растили детей, почитали отцов,

Мы искали в Заветах основы основ.

Но как тщетность усилий...

– Ряд сгнивших крестов над могилами некогда павших борцов, – торопливо добавил Романов.

Лариса Георгиевна замерла.

– Простите, я не поняла... Вы что, тот самый Романов?

Поняв, что разговор налаживается, что еще немного и его статуэтка с голубыми глазами всерьез заинтересуется им, Романов от радости мысленно застучал себя кулаком в грудь.

«Конечно, я тот самый Романов! – хотелось крикнуть ему во все горло. – Кто же еще-то!»

– Я, – опустив глаза, как можно скромнее ответил он.

Лариса Георгиевна всплеснула руками.

– Быть не может! Вы, наверное, шутите?

– Нисколько.

– Вот это да! – радостно воскликнула она. – Подумать только, ведь я в институте на конкурсе самодеятельности ваши стихи читала: «Морской бой»! Помните такие?

– А как же!

– А некоторые из ваших стихотворений, самые любимые, даже в отдельную тетрадку выписывала!

– Ну, это, на мой взгляд, излишне, – стараясь распрямить губы, сами собой складывающиеся в самодовольную улыбку, смущенно пробормотал Романов.

– Нет, ну надо же!

Лариса Георгиевна еще раз всплеснула руками. Покачав головой, внимательно посмотрела на него и сказала, что представляла его совсем другим.

Романову было забавно наблюдать за тем, как менялось выражение ее лица. Холодное, если не сказать, надменное при разговоре с несостоявшимся сослуживцем, оно, стоило тому из потенциального референта превратиться в настоящего Поэта, постепенно становилось восторженно-счастливым, как у девочки-малолетки на концерте кумира.

– Я и был другим, – улыбнулся он. – По крайней мере, в то время, когда вы учились в институте.

– Да, вы правы. Хотя, как мне показалось, не совсем тактичны... Или мне это только показалось?

Несмотря на трепетные чувства, которые Романов питал к Ларисе Георгиевны, он решил не поддакивать ей.

"Не кумирово это дело", – подумал он.

Не став отвечать на вопрос, ответ на который мог бы осложнить их так замечательно складывающиеся отношения, Романов показал на прядь светлых волос, выбившуюся из-под ее платка, и заметил, что несколько дней назад она тоже выглядела несколько иначе.

– Вы имеете в виду прическу? – спросила Лариса Георгиевна.

– Не только. Начать с того, что вы тогда были без очков. У вас был другой макияж, другая одежда и другой цвет волос... Точно! Если мне не изменяет память, вы в тот раз были шатенкой!

– Вообще-то я имею привычку иногда перекрашиваться и даже переодеваться!

– Я не об этом, – поморщился Романов. – Вы были одеты в другом стиле, и я бы даже сказал: в другом вкусе. Словно в тот день вы экспериментировали со своей внешностью.

Лариса Георгиевна засмеялась.

– Пожалуй. – Она взяла его под руку и повлекла в сторону универсама. – А вы, наверное, пользуетесь успехом у женщин? Я угадала?

– Почему вы так решили?

– Ну, во-первых, потому что вы известный поэт, а во-вторых, вы необыкновенно внимательны к нам. Обычно мужчины не замечают подобных вещей. По крайней мере, когда в тот раз я меняла свой облик, очень на это рассчитывала... Ну, так как у нас обстоят дела с женщинами?

Романов пожал плечами. В другое время, в присутствии другого собеседника, он бы с удовольствием поговорил на эту тему, тем более что ему, как сам считал, было чем похвастаться. Но сегодня он даже думать не хотел о прошлом – его интересовало только будущее.

«А есть ли у нас оно, это будущее?» – внезапно подумал он.

– Если у кого-то сегодня я еще и пользуюсь популярностью, – вздохнул Романов, – то только у наемных убийц.

– У каких убийц? – остановилась Лариса Георгиевна.

– Вы телевизор смотрите?

– Да. То есть, нет... Иногда.

Романов покосился на сопровождающих их мужчин. Наклонил голову и прошептал о том, что из восьмерых, приходивших вместе с ними устраиваться на работу в экспедиторскую компанию, четверых уже убили.

– Что вы говорите?! – закрыв ладошкой рот, ахнула Лариса Георгиевна. – Откуда вам это известно?

– Я же говорю, по телевизору сообщили. Имена, фамилии – всё честь по чести. И даже фотографии показали: Егоровой и Филатова, помните, парень был такой... краснощекий.

Лариса Георгиевна отпустила руку Романова. Осторожно поправив прядь волос, выбившихся из-под платка, медленно отвернула лицо в сторону.

Несмотря на то, что она, судя по волнению, со всей серьезностью отнеслась к этому известию, в ее действиях не было и намека на растерянность. Она не выпрашивала, что ей делать дальше, чего Романов больше всего боялся, не мучила вопросами о том, кто, за что и почему желает ей смерти – едва услышав о грозящей опасности, она сразу принялась сосредоточенно думать обо всем этом сама.

Спросила: известно ли ему еще что-нибудь.

Романов ответил, что кроме фамилий убитых – ничего.

– Вы знаете, кто убивает и за что?

– Откуда?

– Понятно, – Лариса Георгиевна еще раз покачала головой. – Это очень плохо.

Она снова взяла его под руку и медленно направилась дальше.

– Мне кажется, что это каким-то образом связано с нашим собеседованием, – сказал Романов.

– Почему вы так решили?

– То, что убийца за два дня застрелил четверых, а стрелял, как полагают в милиции, один и тот же человек, наводит на мысль о том, что у этих четверых было нечто общее между собой. И я даже догадываюсь, что. Все они в один и тот же час находились в одном и том же месте.

– Вы считаете, что к убийствам причастна экспедиторская фирма?

– Нет. Убивают люди, а не фирма. А впрочем, – торопливо добавил Романов. – Фирму я на всякий случай тоже проверил.

– Каким образом?

– Мой приятель – начинающий хакер. Он залез к ним в компьютер и скачал оттуда несколько файлов.

– Зря. Это может быть опасно... И что там?

– Накладные, – принялся перечислять Романов, – различные акты, карта города... В общем, ничего интересного.

– И это всё?

– Всё.

В следующую секунду, вспомнив, как нельзя кстати, о том, что упомянутая карта у него с собой, Романов торопливо вынул ее из кармана. Протянул Ларисе Георгиевне и предложил ознакомиться лично.

Лариса Георгиевна остановилась. Взяла в руки листок и принялась внимательно изучать его.

Не поднимая глаз, спросила, имея в виду окружности с острыми углами, примыкающими к верхушкам этих окружностей, знает ли он, что это за обозначения.

– Нет.

– А что означает: «двадцать пять, десять, двенадцать ноль-ноль»? – Лариса Георгиевна ткнула пальцем в еле заметную надпись в нижнем правом углу карты.

Романов протянул руку.

– Не знаю. Дата и время, наверное... А вы как считаете?

Лариса Георгиевна задумчиво прикусила нижнюю губу.

– Я считаю: мы с вами в большой опасности.

– Я понимаю.

– Нет! Вы не понимаете! – Она вернула листок. – Вам нужно срочно покинуть город. И как можно скорее!

Романов насторожился. В тоне, которым были произнесены эти слова, ему послышался шорох осыпающейся с кумира позолоты.

“Ну, вот и всё! – подумал он. – Сейчас она протрет глаза, проморгается и с удивлением обнаружит перед собой не Поэта, стихи которого в детстве по дурости выписывала в тетрадь, а несостоявшегося секретаря-референта с опухшим лицом”.

Спросил: в чем собственно дело.

– Как в чем? Вы же сами только что сказали, что киллер убивает всех, кто был на собеседовании в экспедиторской компании! По-вашему, этого недостаточно для того, чтобы позаботиться о своей безопасности?

Романов расстроился. По тому, как Лариса Георгиевна ответила, он решил: она сама догадалась о том, что за карта попала им в руки, и теперь, словно старшая сестра, не желающая тратить время на объяснения с глупым братишкой, которому сколько не объясняй – всё без толку, пытается отвязаться от него.

Спросил:

– А как же вы?

– Я тоже, если ничего не случится, уеду... Ненадолго.

– И куда же, если не секрет?

Немного подумав, Лариса Георгиевна сказала, что, скорее всего, проведет некоторое время в пионерском лагере “Орленок”.

– Где?!

Взглянув на выражение лица Романова, Лариса Георгиевна рассмеялась.

– У вас очень глупый вид, – сказала она. – Лагерь только называется пионерским. На самом деле там давно обосновались сектанты. «Церковь Иоанна Богослова». Слышали о такой?

Романов слышал. Он на мгновение представил себе березовые аллеи с уныло бродящими людьми в черных одеждах, проповеди отца Павла на асфальтовой площадке, там, где раньше проводились утренние линейки, костер, от которого веет сладким запахом жертвоприношений, и с отвращением передернул плечами. Трудно было найти другое такое место и другое такое общество, где бы он чувствовал себя столь неуютно.

– Ужас какой-то! – пробормотал он.

– Не скажите, – возразила Лариса Георгиевна. – Уж где-где, а там ни одному киллеру не придет в голову искать тебя.

Романов пожал плечами. Немного подумал и сказал, что, возможно, она права.

Каждый раз, встречаясь с новыми женщинами, Романов пытался найти в них черты того образа, который много лет назад создал в своем воображении. Что это был за образ и как он выглядел, сам он точно не знал. В нем было нечто от русских царевен из детских сказок, старой фотографии молодой мамы, где она, улыбаясь, сидела на диване с младенцем на коленях, одноклассницы с модными в то время завитушками на голове – первой девочке, в которой увидел объект вожделения. И было в этом образе что-то еще: неуловимое, неосязаемое, что-то, что нельзя описать словами и даже мысленно представить, а можно только почувствовать, глядя вслед незнакомой женщине: да, это именно та, которую ты искал всю жизнь.

– Что вы на меня так смотрите? – поймав на себе пристальный взгляд Романова, спросила Лариса Георгиевна.

– Ничего, – смущенно отводя глаза, пробормотал он.

– Ничего?

– Нет, ничего.

И тут Романов понял, что образ, который много лет хранил в своей душе, холил, лелеял и дополнял новыми чертами, во многом соответствовал тому, что он увидел в Ларисе Георгиевне.

В этот момент ему стало страшно. От опасности, которой она подвергала себя, разгуливая по улицам города, где каждый день неизвестный киллер отстреливает мирных жителей; от того, что скоро, буквально через несколько секунд, им, видимо, придется расстаться. Но больше всего он испугался того, что мог никогда не встретиться с ней. Мог полениться и не пойти устраиваться на работу в экспедиторскую фирму, не согласиться на предложение Рябушкина переночевать у него, мог, наконец, просто-напросто не выпить и не отправиться утром в магазин за бутылкой.

Романов вытер выступившую испарину со лба. Ему пришла в голову мысль о том, что не повстречай он сегодня Ларису Георгиевну, его Ларису Георгиевну, захотелось добавить ему, он никогда бы не пожалел об этом. Не пожалел, потому что никогда бы так и не узнал о том, как много лет назад, одним ничем не примечательным теплым октябрьским утром, сделал что-то не так, прошел в двух шагах от своего счастья.

– Мы с вами еще обязательно встретимся. Обещайте мне это.

Романов произнес эти слова таким тоном, будто был заранее уверен в том, что Лариса Георгиевна обязательно обманет его.

Лариса Георгиевна смущенно улыбнулась. Протянула визитку с домашним адресом и тихо произнесла:

– Обещаю. А теперь, – добавила она, – если вы не против, я, пожалуй, пойду... Хорошо?

Не дождавшись от Романова ни возражения, ни согласия, улыбнулась. Поправила выбившуюся из-под платка прядь светлых волос и медленно, то и дело оглядываясь, направилась в сторону двух мужчин, каждый из которых был выше Романова чуть ли не на целую голову.

Купив бутылку портвейна, Романов сидел, развалившись, на скамейке в усыпанном желтой листвою сквере и, слегка сощурился глазами, смотрел себе под ноги.

«Мне скоро сорок один, – думал он. – И все эти годы, подобно Пигмалиону, я скрупулезно создавал в своем воображении идеал женщины... И что? Стал ли я счастливее оттого, что достиг своей цели? Вряд ли... Стал ли несчастливее? Пожалуй, что стал... А почему? А потому, что, создав идеал и воочию увидев его, понял: все мои старания, труды, надежды оказались тщетными! Я не достоин своей Галатеи!»

Романову нестерпимо захотелось выпить. Он покосился на лежащую рядом бутылку вина, завернутую в полиэтиленовый пакет, взял в руки, подержал на весу несколько секунд и положил обратно.

– Нельзя!

«А почему, собственно, нельзя?» – спросил самого себя.

«Да потому, – дал себе ответ, – что вечером с работы придет Санек, и ему тоже захочется выпить!»

Романов улыбнулся. Этот спор двух «я» он называл конфликтом правого полушария головного мозга, которое, как он вычитал из какой-то газеты, отвечает за эмоции, и левого, отвечающего, по версии все той же газеты, за логику.

«А может, не захочет?» – предположило правое полушарие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.